
СМЫСЛ ЖИЗНИ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ

Беседа с Е. С. Сеньявской

– *Фундаментальная монография американского психолога Р. Бомистера, посвященная изучению смысложизненных ориентаций, начинается следующим утверждением: «Люди в отчаянном положении не размышляют о смысле жизни. Когда выживание под угрозой, когда ежедневно и ежечасно жизнь связана с риском, смысл жизни несуществен. Смысл жизни – это проблема людей, которые не живут в напряжении, чьим безопасностью, комфорту и удовольствиям ничто не угрожает» (Vauteister, R. F. Meanings of Life. – N.Y., 1991. – P. 3–4). В Вашей статье диаметрально противоположное наблюдение: именно при крайнем напряжении физических и душевных сил и каждодневном риске потребность в осмыслении жизни предельно обостряется. Чем можно объяснить столь кардинальное разногласие?*

– Возможно, тем, что американскому автору не доводилось читать писем и дневников участников боевых действий, где такого рода размышления встречаются постоянно. Для людей, рискующих жизнью в экстремальных военных условиях, подобные рефлексии являются острой душевной потребностью именно потому, что эта жизнь в любую минуту может оборваться, а значит, нужно успеть ее осмыслить, определить свое отношение к происходящему, доказать и самому себе, и своим близким, что жил не напрасно, и если придется погибнуть, то это тоже будет не зря.

Существовал даже своеобразный жанр писем-прощаний, писем-завещаний, которые писали заранее и носили с собой с пометкой: «В случае моей гибели прошу переслать на такой-то адрес». По глубине мыслей и чувств многие из них могут поспорить с философскими трактатами. Но и в обычных письмах с фронта рассуждений на тему жизни и смерти ничуть не меньше, потому что каждое из них могло оказаться последним... Вот, например, достаточно типичное высказывание рядового советского солдата: «Я научился понимать: война может отнять жизнь, мою жизнь в любой момент. Человек на войне начинает ценить каждое мгновение, подаренное ему судьбой. Мелочи, незаметные в другое время, приобретают особое значение. Они напоминают нам о мирной

жизни, даже когда кругом смерть...» Речь идет о письмах не писателей или художников, образно воспринимающих действительность уже в силу творческой природы и профессии, а обычных людей, в которых именно пограничная ситуация пробудила потребность в рассуждениях о вечном и конечном, о смыслах бытия и небытия.

И рожденная под влиянием пережитого экзистенциального опыта военная литература – и поэзия, и проза – представляет собой ту же рефлексию участников войны, но уже на другом, обобщающем уровне, претендующем на право голоса от имени всего поколения современников, как правило, уже ретроспективно. Например, на Западе в таком качестве выступала литература «потерянного поколения» после Первой мировой войны, а у нас в стране – «лейтенантская проза» после Великой Отечественной.

Впрочем, допускаю еще одну причину наших разногласий с американским автором. Разница прежде всего в ментальности изучаемых нами субъектов. Американский стиль жизни в принципе не предполагает подобных самокопаний, учитывая, что проблему выживания там традиционно понимают как спасение тела, а не души. Т. е. речь идет не о духовном или нравственном самосохранении индивида, а о спасении шкуры любой ценой. Естественно, при таком раскладе размышления о смысле жизни в минуту опасности действительно неуместны. То ли дело благополучный, скучающий обыватель, которому нечем заняться на досуге... Допускаю, что доступные автору *американские* источники именно об этом и говорят, но сама я их не изучала...

– *Известно, что Вы возглавляете Ассоциацию военно-исторической антропологии и психологии. Давно ли она существует, и были ли еще исследования на эту тему в рамках Ассоциации?*

– Да, разумеется, и довольно много. Решение о создании Ассоциации военно-исторической антропологии и психологии «Человек и война» было принято на первом, учредительном заседании круглого стола «Военно-историческая антропология», состоявшемся 23 ноября 2000 года в Институте российской истории РАН. Задумывалась она как научно-организационный и информационный центр междисциплинарных исследований «человека на войне», объединяющий ученых, работающих в этой области, со всей России и ближнего зарубежья. Тогда же было решено выпускать печатный орган Ассоциации – ежегодник «Военно-историческая ан-

тропология»¹, который с 2002 года выходит в издательстве «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). Как главный редактор этого издания могу сообщить, что в нем публикуются статьи историков, психологов, социологов, философов, культурологов, изучающих человека в экстремальных условиях войны в самых разных его проявлениях, включая воинские традиции разных эпох и народов, ценностные ориентации, мотивационные аспекты поведения, репрезентативные модели, отношение к опасностям и тяготам военной службы, к товарищам по оружию, союзникам и противникам, специфику военной повседневности, психологическую подготовку к войне и преодоление ее последствий, психологию военного искусства и командования, гендерные проблемы и многое другое. В одном из выпусков ежегодника специальный раздел был посвящен отражению войны в ощущениях, образах и психических состояниях вплоть до сновидений, рожденных войной. Так вот, буквально каждое из проведенных членами Ассоциации исследований опровергает процитированное Вами утверждение американского автора и доказывает, что именно перед лицом смерти человек задумывается о смысле жизни. Такой вот парадокс...

¹ См.: Военно-историческая антропология: ежегодник 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2002; Военно-историческая антропология: ежегодник 2003/2004. Новые научные направления. М.: РОССПЭН, 2005; Военно-историческая антропология: ежегодник 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М.: РОССПЭН, 2007.